

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

Сообщения Ростовского музея

Выпуск XXVIII

Ростов
2023

УДК 94(470.316-21)(082)

ББК 63.3Яр

С63

Сборник научных статей
«Сообщения Ростовского музея» выходит с 1991 года

Научный редактор Я. Е. Смирнов

С63 **Сообщения Ростовского музея. Выпуск XXVIII /**
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». —
Ростов, 2023. — 248 с. : ил.
ISBN 978-5-6046011-8-1

УДК 94(470.316-21)(082)

ББК 63.3Яр

ISBN 978-5-6046011-8-1

© Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», 2023

Содержание

Каретников А. Л., Верин А. В., Каретникова В. А., Попова М. А., Тарарака З. В. (Ростов). Новые данные о границах селища XIII–XVI вв. у с. Филимоново (место погоста Марии Египетской).....	5
Мельник А. Г. (Ростов). Когда Борисоглебская половина Ростовского княжества была присоединена к Москве?	44
Полознев Д. Ф. (Ярославль). Атрибуция печатных изданий в описях Ростовского архиерейского дома XVII в.	51
Морозов А. Г. (Ростов). Контракты поставки с Ростовской ярмарки продуктов и материалов для Балтийского флота в начале XIX в.	69
Букреева О. В. (Ростов). К вопросу о вкладах А. И. Аргамаковой и П. А. Ушаковой в Спасо-Яковлевский Дмитриев монастырь	75
Морозов А. Г. (Ростов). Поречье-Рыбное Ростовского уезда как место увековечения памяти трех российских императоров	90
Чекмасов Д. Н. (Ярославль – Ростов). Книжный репертуар ростовской типографии А. Х. Оппеля (1897–1917).....	102
Морозова П. А. (Ростов). Описание церкви Спаса Нерукотворного села Климатино Ростовского уезда 1919 г.....	132
Печкина Л. В. (Ростов). Пруды Ростовского кремля.....	139
Леонов Д. Е. (Ростов). К истории Ростовского музея в 1920–1930-е гг. Следственное дело Д. А. Ушакова, Н. Н. Ржевского, В. А. Талицкого, П. С. Иванова из собрания Государственного архива Ярославской области	163

Степанов К. А. (<i>Ростов</i>). Некрополи Ростова Великого в конце XVIII – первой четверти XXI века: страницы истории	191
Пуцко В. Г. (<i>Калуга</i>). Из прожитого	237
Список сокращений.....	246

ИЗ ПРОЖИТОГО

Пуцко Василий Григорьевич,
Калужский музей изобразительных искусств,
putsko@kaluga.net

Публикация содержит воспоминания о юности и студенчестве, учителях, видных ученых, жизни в науке, изложенные в форме письма, адресованного коллеге — искусствоведу Ларисе Николаевне Буяльской (Пенза). Определенным поводом к написанию воспоминаний послужил юбилей — 80-летие со дня рождения В. Г. Пуцко (10.01.2021).

Ключевые слова: воспоминания, искусствоведение, наука, В. Г. Пуцко.

MEMORIES

Vasily G. Putsko,
Kaluga Museum of Fine Arts,
putsko@kaluga.net

The publication contains memories of youth and student life, teachers, great scientists, life in science, set out in the form of a letter addressed to a colleague — art historian Larisa Nikolaevna Buyalskaya (Penza). A certain reason for writing memoirs was the anniversary — the 80th anniversary of the birth of V. G. Putsko (10.01.2021).

Keywords: memoirs, art history, science, V. G. Putsko.

Мои коллеги уговаривали меня написать воспоминания, но я уклонялся от этой затеи, полагая, что моя жизнь в целом ничем не отличается от их, принадлежащей той же эпохе. Вероятно, у каждого есть в памяти примечательные факты. Но насколько они интересны для других, — трудно судить. Правда, в моей личной жизни немало странного для обычного советского человека. И вовсе не потому, что был борцом с тогдашней системой: напротив, слишком удалялся от политики и максимально стремился приобщиться к культурным традициям. Прошлое меня привлекало как фундамент будущего. Мои широкие интересы, вероятно, можно было принять за проявление ненормальности, но я никогда не искал и не находил себе аудиторию, которой бы излагал свое видение мира. Большею частью работал на черном дворе науки, и это составляло главное содержание моей жизни. К обобщениям обратился поздно, когда мои ровесники уже успели сделать научную карьеру. Я скорее пребывал на обочине официальной науки. Меня не замечали, игнорировали, как обычного провинциала. Мои публикации в региональных и зарубежных изданиях, за небольшим исключением, не находили отклика.

Рассказывать обо всем этом было бы скучно. И я нашел неожиданно выход: предложить вместо мучительно собранных воспоминаний текст письма, посланного своей коллеге Ларисе Николаевне Буяльской, искусствоведу, выпускнице Петербургского университета, написавшей опозитизированные воспоминания, читателем которых я стал. Мое повествование более прозаичное, как и сама жизнь, приукрашивать которую далеко не всегда был в состоянии.

Форма изложения не является литературным приемом. Это подлинное письмо, отправленное в Пензу. Прошедшее описываю без прикрас.

* * *

Калуга, 31. 01. 2021.

Дорогая Лариса! Позавчера, 29 января, я получил посланные тобой письмо, книгу и альбом. Все было прочесть интересно, и оказался столь значительный пласт информации, что я его все еще «вывариваю» в своей далеко не молодой голове. Совсем недавно, 10 января, мне исполнилось 80 лет: я очень доволен тем, что избежал многолюдного застолья, что все обошлось в музее кратким поздравлением, после чего «яко по суху пешествовав Израиль», удалился. Дома меня ждали сын (ему идет 47-й год) и старший внук (14 лет). Твои поэтические мемуары разбудили и мою память о прошлом. Мы с тобой ходили в те годы по одним и тем же питерским дорогам, но врозь и в разных направлениях. Об одних упоминаемых событиях я знал, о других скорее догадывался, а существование третьих даже не представлял.

В отличие от тебя, я еще «довоенного разлива», 1941 г., и даже зрительно помню некоторые эпизоды оккупации: будь немного старше, — мне никогда бы не удалось поступить ни в один вуз, как запятнанному общением с немцами. Хотя, говорили, самыми страшными были не они, а мадяры и особенно румыны. Так делилась со мной воспоминаниями моя тетушка, младшая сестра отца.

Меня тоже затронула хрущевская «оттепель», ударившая лютыми морозами. Мой трудовой путь начался в 15-летнем возрасте, в должности псаломщика (дьячка) и регента. Эту несанкционированную деятельность, продолжавшуюся полгода, прервали местные власти, и я, при помощи двоюродного брата отца, архитектора по профессии, оказался в бюро технической инвентаризации, где и заработал необходимый стаж, приобретя опыт архитектурных обмеров и архитектурного чертежа. Потом он очень понадобился, когда изучал зодчество у С. С. Бронштейна и у П. А. Раппопорта, и открыл русского зодчего Матвея Ефимова, в конце XVII в. строившего на Украине, в том числе в Глухове, ту самую Николаевскую церковь в 1693—1695 гг., где я был дьячком: установил на основании текста договора, опубликованного как образец делопроизводства. Освящал ее св. Димитрий Ростовский, тогда игумен Глуховского Петропавловского монастыря. О церкви есть моя статья (Филевские чте-

ния. М., 2003. Вып. 10. С. 249–262), а о М. Ефимове еще не опубликована, по различным причинам.

Поступать поехал в Репинский институт в 1961 г. и поступил, и, кроме того, там встретил девушку, надолго завладевшую моим вниманием; находясь уже в армии, сделал признание и получил отказ, надолго испортивший настроение и навсегда избавивший от каких-либо романов: сегодня я ей очень благодарен, т. к. мы очень разные и очень усложнили бы себе жизнь. Она впоследствии стала заметным лицом в импортной торговле произведениями искусства. Шесть лет назад разыскала меня и при встрече горько жаловалась, как ее обвели вокруг пальца в Англии, иначе бы обеспечила существование детей и внуков. У меня же были совершенно иные мечты. Со 2-го курса, в связи с Карибским кризисом, был вызван в армию, оказался в транспортной эскадрилье в Баку, где во время регламентных работ по провозке датчика топливомеров, поскользнувшись, ударился носом о корпус самолета Ли-2 и сломал перегородку, так что не мог свободно дышать, и мне сделали в окружном госпитале операцию. Упомянул об этом потому, что сам факт отчасти пошел на пользу. Я был настолько наивным, что решил перевестись на заочное отделение и продолжить обучение, чтобы не терять годы. И, находясь в армии, выполнил контрольные и курсовую работы, но на сессию, конечно, не вырвался и был отчислен как «не явившийся». Получил академическую справку, которая потом мне позволила поступить без экзаменов на филологический факультет университета, а в институт вернулся с оправдательной справкой об операции.

Меня очень манил Восток. Теперь я его увидел. Азербайджанцы ко мне хорошо отнеслись. Из Музея искусств даже выдавали в часть мне библиотечные книги, я ходил на этюды в Бина и обратил на себя внимание муллы Вагабова, стал его гостем, и это расширило мои знания об исламе. Летали мы в основном в Минеральные Воды, Гудауты, Орджоникидзе, в Москву (с посадкой в Клину), и однажды в Ташкент, когда мне в спортивной форме с мячом в руках удалось добраться до Самарканда. Запрос относительно поступления на Восточный факультет принес ответ о необходимости направления от ЦК Комсомола, а я никогда не был не только комсомольцем, но даже пионером. Понял, что времена арабиста И. Ю. Крачковского давно прошли. Тем временем, живя в Глухове, мама достигла пенсионного возраста, и т. к. я единственный сын, то стала добиваться моей демобилизации. В военкомате с ней не церемонились: «Пусть служит!», но она обратилась к министру обороны, и в конце июня 1964 г. я, захав на пару дней домой, уже на излете сессии сдавал экзамены за 2-й и 3-й курсы, и в конечном итоге догнал своих бывших однокурсников, правда, растянув эту процедуру еще на часть следующего учебного года. Получил разрешение слушать лекции с вечерниками, а читали их в основном эрмитажники. Особенно меня очаровал Н. Н. Никулин, с которым потом я очень сдружился. А жил в известном тебе общежитии в Гавани, где обитал и мой университетский руководитель проф. Н. А. Мещерский – суровый человек, но не со мной.

Суровые и замкнутые люди меня никогда не отпугивали: с ними было легко. Именно в 1964—1965 учебном году я прослушал курс лекций А. В. Банк на Вашем факультете: мухи дохли от скуки. Об отношениях с ней говорить здесь не буду: прочтешь в моих воспоминаниях «Византийское притяжение», которые скоро выйдут из печати — написаны в ответ на просьбу осветить свой путь в византиноведение из украинской глуши.

В апреле 1988 г. в Глухове умерла тетушка, в возрасте 75-ти лет, и мы всей семьей поехали на похороны. Сыну шел 14-й год, и он был впервые в тех местах. Я старательно показал ему все местные достопримечательности, вплоть до старого казацкого кладбища на Красной горке, закрытого в 1952 г. (последним похоронили Федора Шепита с Водотечи). И услышал: «И как ты, папа, из такой ямы в люди вышел?», на что ответил, что ямой в мои юные годы город не казался. Но вопрос застрял в моей голове, и я стал размышлять над тем, что толкнуло меня и повело поехать в далекий город на Неве добывать столь редкую тогда профессию. Оказалось, что свою роль сыграли семья, окружение, занятие в художественной студии Н. Г. Кулешова (ученик Н. С. Самокиша) и музыкой у о. Константина Лысенко, приход, и только потом уже речь могла идти о школе. Мне представилось важным осветить жизнь послевоенных четырех городских приходов, с которой вряд ли кто стал бы писать диссертацию, и я, будучи не на работе, набросал очерки «Глухівські дзвони». Сын был удовлетворен. Я предложил Путивльскому музею их опубликовать, набрав на компьютере, но ведь сейчас привыкли издатели получать все готовое, чтобы только проглотить. Я же, по причине глазного давления, не могу работать с компьютером и заказываю набор профессиональной компьютерщице, занимающей административную должность в областной детской библиотеке. Цену она не назначает, но я стремлюсь заплатить как можно больше. Набирает грамотно мои в целом сложные тексты, и безотказно. Но когда текст на украинском языке, то здесь уже никто не приготовит его к печати.

Мои студенческие годы отчасти проходили у тебя на глазах. Я также многим обязан сотрудникам Библиотека Академии художеств, где тоже имел свое место. В Петербурге теперь почти не бываю. Лет десять тому виделся с Татьяной Владимировной Макаровой (помнишь эту строгую блондинку), которая осталась одна-одинешенька со старой собачкой. Еще жива была Валерия Ивановна Хольцова. Для меня местом такого «сидения» были еще библиотека отдела Востока в Эрмитаже, где хозяйкой являлась иранистка Г. П. Михалевич, и читальный зал библиотеки духовной академии с Н. И. Егоровой. Всех этих людей не смогу никогда забыть. Много времени просиживал и в Отделе рукописей публичной библиотеки, но там отношение было разным. Кое-кто находил, что я рано стал заниматься греческими и славянскими рукописями и при случае снимали их с моего номера, отдавая более степенным лицам. Но не всегда из этого выходил толк. Однажды забрали у меня глаголические листки Берчича (хорватская глаголица) для какой-то смазливой дамочки, которая с ними

повторила опыт крыловской мартышки с очками. А если опять вернуться к Эрмитажу, то я очень тепло вспоминаю благожелательное отношение талантливому, рано умершему В. Г. Луконина. Его «Искусство древнего Ирана» для меня остается высочайшим образцом научного исследования. Вспоминаю также эрудитов К. В. Тревер и Л. Т. Гюзальяна, Т. А. Измайлову. Позже в этом отделе работала моя однокурсница Альвида Мирзоян, с которой у нас были и общие научные интересы, причем без конкуренции. Уже работая в Калуге, я стажировался у взбалмошной и непредсказуемой И. В. Линник, которая не только щедро показывала фонды, но и загружала новейшей справочной литературой. Наиболее пикантной являлась Чарита Мезенцева, автор каталога выставки А. Дюрера, как и я, ученица Ц. Г. Нессельштраус, о которой говорили, что она доводила коллег до истерики. На себе я это не почувствовал, может быть потому, что был «своим».

В студенческие годы я, имея место в общежитии, преимущественно жил у В. И. Малышева, основателя Древлехранилища Пушкинского дома. Он буквально был помещан на поисках и приобретении древнерусских рукописей, и тут, пожалуй, моей единственной заслугой оказалось привлечение внимания к Ковровскому Евангелию — галицко-волынской рукописи XIV в. Позже я о нем написал несколько статей и ввел в историю искусства украинской книги (мне принадлежит четыре раздела во 2-м томе новой «Історії українського мистецтва»). У Малышева познакомился с рядом посещавших его крупных ученых и со старообрядцами. Питались мы скромно, в основном молочным супом и кашей. Моя связь с Малышевым вызвала опасения у Д. С. Лихачева, что могу знать о нежелательных фактах, но так как это от меня не выходило, то все улеглось и установились самые теплые отношения. Рано погибшая Вера была неплохим человеком, но порой любила при случае унижить. Мне более симпатичной была работавшая в Русском музее Мила, с которой были дружны в течение многих лет.

Я специализировался на зарубежной кафедре, занимаясь искусством западного средневековья и Византии. Моим руководителем была Ц. Г. Нессельштраус, которой считаю себя очень многим обязанным. У нее я в течение многих лет останавливался при поездках и пользовался ее прекрасно подобранной библиотекой с редчайшими иностранными изданиями. Тему дипломной работы «Алтарный образ итальянского дученто» мне не утвердили, и писал о византийской книжной миниатюре XI в., по греческим рукописям из собрания Исторического музея. Для того чтобы избежать распределения (в Томск или в Калмыкию) я перешел на заочное отделение и устроился в музей в Ростове Великом. Там обещали даже квартиру, но, конечно, не дали. Но для обладателя диплома нашли достойное занятие: в перерыве между экскурсиями (4–7 в день) за несколько месяцев создать в помещении 8-ми залов, при не выявленных и обширнейших фондах и, соответственно, не изученных произведениях, экспозицию древнерусского искусства. А в моем древнерусском «активе» была единственная статья по иконографии Благоразумного

разбойника! И вот, в пожарном темпе бледный юноша должен был научиться ориентироваться в скульптуре, иконописи, шитье, ювелирном искусстве, художественно ремесле. Как все это происходило, можно прочесть в моем очерке «Ростовские музейные были», вызвавшем понимание у одних и взрыв негодования у других. Говорили, что родственники «униженных» угрожали директору музея за публикацию судом. Но их пыл остудил зам. директора, сказав, что я могу в ответ написать еще жестче, притом на документальном материале. Выясняется, что совки и подонки оказались «благородных купеческих кровей». Со временем мой скромный труд был оценен, и я, уйдя в конце 1968 г. из музея, до сего дня являюсь участником его ежегодных научных конференций. Мои многочисленные публикации ростовских произведений имели место, конечно, позже работы в Ростове.

Перспектив для научной работы не было никаких, и я охотно откликнулся на предложение занять место зам. директора по науке Московского областного краеведческого музея в Истре. Проработал в этой должности примерно пять месяцев, как черти принесли в музей самозваную министерскую комиссию по фондам, в составе которой была крупный специалист по ювелирному искусству милейшая М. М. Постникова-Лосева. В ГИМе она меня всегда любезно принимала в своем Отделе драгметаллов, и она сначала добилась запрещения присутствовать мне при работе комиссии (чтобы не научился правильно атрибутировать вещи), а затем убедила тамошнюю директрису, что я в карьерных целях могу занять и ее место. Результат был предсказуемый: отвез я в Московское управление УВД ходатайство о предоставлении мне московской областной прописки, а на следующий день позвонили с просьбой отказать в своем же ходатайстве. Были две свободные ставки научных сотрудников, одну из которых я мог занять, и тогда бы меня прописали по решению суда. Но я не стал унижаться, и ушел по собственному желанию, в никуда.

Какое-то время жил переводами, а на работу ни в один музей не принимали, даже куда недавно сманивали. Кто-то распускал странные порочащие слухи, с намеками на политическую неблагонадежность и на психическую вменяемость. Случайно попался на глаза профессору Московской духовной академии, и меня пригласили работать в церковно-археологический кабинет, систематизировать медное литье. Но на птичьих правах, без официального оформления. Были рабочее место, жилье и четырехразовое питание в академической столовой, а также небольшие выплаты «за представленные вещи» (без удержания налогов). Там я паспортизировал более 550-ти вещей XII—XX вв. и стал специалистом по русскому художественному литью, тогда еще остававшемуся «за семью печатями». Я рассудил просто: это такие же произведения пластики, но изготовленные по иной технологии. Сложнее было определять адаптированные варианты, особенно при монтировании на щите в экспозиции. Однако и здесь нашелся выход. Конечно, условия работы трудно было считать идеальными: святым

людям все надо делать быстрее, независимо от того, забивать ли гвозди в доску или проводить атрибуцию.

Тем временем заболела жившая в Глухове мать. Надо было ее оттуда вывезти, но куда? Севернее Москвы она категорически не соглашалась ехать: польский менталитет упрямая вещь. Надо было еще и продавать оформленную на мое имя половину дома. Только Божьей помощью могу объяснить невероятное: то, что мне удалось устроиться на работу в Калужский художественный музей и прописаться в частном секторе, у матери преподавательницы местного пединститута. Город же негласно считался закрытым по причине многочисленных военных предприятий. Мама приезжала в Калугу, и город ей очень понравился, а в музее она на картине Прянишникова даже опознала деревню Толстодубово на русско-украинской границе. Я встал на очередь и при помощи коллег в самом центре города получил «временное жилье» — большую комнату, при коммунальной кухне и с голландским туалетом во дворе. Ордер был выписан почти в день смерти матери, умершей в Глухове. Перевозить ее было некуда, никто из родственников не пришел на помощь, а слали лишь упреки и осуждения. Ситуация примерно та же, что и у тебя.

В Калужском музее я, с учетом приобретенного опыта, не стал набрасываться на атрибуции, старался быть как все. Но какие-то сплетни достигали тогдашней директрисы (а сейчас я уже работаю при шестом директоре), и она была не прочь от меня избавиться. Но это трудно было сделать при моем безупречном поведении. Отчасти положение обострил поступлением в Союз художников, что было не в интересах директрисы; поступил по апелляции и тем самым, как оказалось, невольно взорвал саму систему: до этого уверяли, что Москва лишь утверждает решение в Калуге. Разъяренная дама подавала мне бумагу для заявления «по собственному», но я спокойно ответил «только после Вас». Вот такая в общих чертах моя «одиссея».

М. Н. Каргеру меня представила В. К. Лаурина в Москве в последние годы его жизни, когда он ходил со сломанной рукой. Ц. Г. Нессельштраус вспоминала его как циника. С Вал. Булкиным я всегда был в дружеских отношениях, которые затем установились и с его учениками.

Вместо обычного письма написал целый трактат, но не исчерпал и половину того, что хотел сказать.

Лариса, видит Бог, что не хотел тебя утруждать чтением бесконечных мемуаров. Но писал их в один присест, не останавливаясь, и поэтому без литературных достоинств. Но не хочу оставаться в долгу, и припомню несколько веселых случаев.

В Академии художеств под большим спортивным залом есть душ. И вот администрация решила превратить его в источник дохода, разрешив студентам мыться за 10 коп., которые должны были вычитать из стипендии размером в 30 руб. Надо было каждый раз вписать свою фамилию в амбарную книгу на столе, у которого сидел старик в ватной куртке. Идут будущие

художники и пишут: Рафаэль, Рембрандт, Рубенс, Веласкес... Старик читает и удивляется: «вот какие пошли студенты, все не русские». А когда дело дошло до взимания гривенников, то уже стало не до удивления. Устроили в помещении церкви, возле библиотеки, комсомольско-студенческое собрание с намерением судить и заклеить. А когда процитировали упомянутые записи, то поднялся такой гомерический хохот, что обнаружилась безнадежная затея. Я рассказал об этом Ц. Г. Нессельштраус, и она была в восторге от творческой выдумки студентов. Душ закрыли, но существовал еще в него другой вход, в который вела крутая узкая лестница без перил. Натянули проволоку и ходили через люк из зала, в котором красовался плакат: «Товарищи, сделаем из девушек-студенток женщин-лейтенантов!»

Впрочем, объявления бывали и более пикантные, вроде «Всем студенткам второго курса дневного отделения скульптурного факультета, не удовлетворившим преподавателя по противовоздушной обороне, в пятницу вечером явиться на кафедру физвоспитания для повторной сдачи зачетов». И это на доске объявлений ректора, под стеклом, внизу у гардероба, возле винтовой лестницы!

Нас, 20 лбов-дипломников, по случаю ремонта в общежитии зимой, поселили в малом спортзале, возле библиотеки. Можно только представить, как было весело! На сегодня мы с Сашей Доминяком остались «последние из могикан», которые там «мугикали» до полуночи.

Однако не хочется этим завершать разговор. Ничто меня так не удивляло, как искусство Н. Н. Никулина-лектора. Однажды среди лекционного часа окончил разговор о фламандском искусстве. Сел, несколько минут молчал, и потом примерно за 15–20 минут представил блестящую характеристику политического устройства, экономического состояния и культурного развития Голландии. Многие ли на это способны? Условившись с ним, после первого семестра пошел я в кабинет искусств сдавать экзамен по искусству барокко. Спрашивает меня: надо ли искать билеты или можно задать вопросы. Отвечаю, что согласен на все. Тогда просит записать: 1) Веласкес-портретист; 2) Пейзажи Рембрандта. Говорит, что если буду отвечать без подготовки, то набавит один бал. Спрашиваю: начнем с двойки? «Шутки я понимаю, — говорит, — отвечайте». Только сказал несколько фраз об умении портретиста дать самое широкое представление о личности изображаемого, как меня прерывает вопросом: а как с ним соотносится Гальс? Подумав, говорю, что фиксирует мгновенье. И следует еще более коварный вопрос: как с тем и другим соотносится Рембрандт? А он ведь разный в этом плане на протяжении своего творчества. «По второму вопросу, — говорит, — можно не отвечать, а скажите, чем пейзажи Рембрандта в живописи отличаются от пейзажей в графике?» Мысленно представив то и другое, отмечаю обобщенность первых и конкретность вторых. Он вполне доволен, но все же выясняет, какое состояние офорта мне больше всего нравится. Услышав, что первые 3–4 оттиска, удовлетворен моим вкусом. Потом еще ему же сдавал

госэкзамен и кандидатский экзамен по той же схеме, в форме дружеской беседы.

Тогда, конечно, мне трудно было и предполагать, что найду «украшенный» фальшивой подписью Брюллова портрет кисти лучшего ученика Рембрандта – Фабрициуса, работы которого исчисляются единицами, с его монограммой. Сейчас готовлю к публикации. Действительно, в России надо жить долго! И оказался это вовсе не портрет, а изображение апостола Петра, которому должно было соответствовать еще изображение Павла, не сохранившееся. Если не слишком далеко увела меня фантазия, то его опосредованной копией может оказаться картина русского художника XVIII в. Бельского.

А Н. Н. Никулин, придя в аудиторию в начале второго семестра, с удивлением застал меня и спрашивает, зачем я пришел. Говорю, что слушать лекции. «Да вы же сдали экзамен. Первый раз в жизни вижу такого чудака», — заключил, но не выставил.

Как можно видеть, жизнь временами веселая, но в целом мало было причин для веселья. Скорее преобладал упорный труд, иногда соединенный с решением задач, важных и увлекательных, на общем фоне серой обыденности.